

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
ИСКУССТВА
КРИТИКИ
И БИБЛИОГРАФИИ

1925

КНИГА ПЕРВАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

услугу выпуском «неизданной пьесы» Чехова. Кстати сказать, в Центральном архиве найдется еще кое-что помимо этой пьесы: так, нам известно о рукописи Чехова «История медицинского дела в России» и еще о некоторых менее значительных и менее интересных работах. Все они ждут своего опубликования.

Пьеса, тщательно подготовленная к печати Н. Ф. Бельчиковым, выполнившим свою задачу чрезвычайно внимательно, интересна прежде всего как первый или, во всяком случае, один из первых драматургических опытов Чехова. Работающим над театром Чехова ныне уже нельзя будет обойтись без пристального изучения этого раннего его дебюта в области драматической формы. Мало того: имея теперь перед собою эту «пробу пера», относящуюся ко второму году студенчества Чехова (1880—1881 г.г.), т.е. к моменту его начальных шагов в литературе (первые рассказы в «Стрекозе» и «Будильнике»), мы легко свяжем ее с наиболее зрелой его пьесой, с «Вишневым садом», датированным 1903 г. Совершенно прав автор предисловия к «Неизданной пьесе», утверждая, что она «значительно пополняет наличность художественного материала драматического творчества Чехова, дает возможность исследователю точнее проследить зарождение и генезис некоторых типов, неоднократно занимавших художественное внимание А. П. в последующие годы. В этой ранней пьесе — источник творчества Чехова-драматурга». И действительно, в этой весьма слабо в смысле архитектурной построенной пьесе, несмотря на всю ходульность ее внешнего сценизма, мы явственно ощущаем те большие зерна, из которых вырастет вся тематика чеховских пьес, — пьес в большинстве своем «усадебных», в той или иной мере всегда вскрывающих процесс смены двух поколений и культуры быта.

Немалый интерес для исследователей манеры Чехова-драматурга представляет эта пьеса и в том отношении, что свидетельствует о соблюдении им тех чисто театральных законов развития действия, от которых он впоследствии станет все более и более отходить, заменяя актуальность в развитии сюжета «подводным те-

А. П. ЧЕХОВ. Неизданная пьеса. Центрархив. Документы по истории литературы и общественности. Вып. 5. Изд. «Новая Москва». М. 1923. Стр. 253.

А. П. ЧЕХОВ «Татьяна Репина». Неизданная пьеса (М. П. Чехов. Театр, актеры и «Татьяна Репина»). Ленинград. 1924. Стр. 99.

Центрархив, располагающий драгоценнейшими материалами историко-литературного значения, оказал в деле собирания чеховских текстов большую

чением» внутреннего драматизма, явления в форме малодейственной и неспешной. Здесь же, на этом первом опыте Чехова, сказались воздействия порядка чисто театрального: влияния авторов французских и русских драм 70-х годов. Любопытно отметить, что на пьесе ощущается и подражание модному тогда Дьяченко.

Несколько иной характер носит опубликованная Мих. П. Чеховым шутка-пародия А. П. Чехова «Татьяна Репина».

«Татьяна Репина» написана Чеховым (в 1889 году) как продолжение известной драмы Суворина «Татьяна Репина» и, вместе с тем, как ее пародия. Мих. П. Чехов, снабдивший издание обширным предисловием, в котором он пытается вскрыть отношение Чехова к театру и к актерам, совершенно не останавливается на установлении именно пародийности пьесы, в чем, в конце концов, и заключается ее значение и интерес. Продолжение суворинской «Татьяны Репиной» происходит у Чехова в церкви на фоне обряда бракосочетания, и это дает Мих. П. Чехову повод заняться выяснением проблемы отношения Чехова к религии. М. П. Чехов приводит всяческие доводы, долженствующие убедить читателя в том, что, хотя Чехов и был материалистом, но, тем не менее, не отрицал наличности некоего мистикорелигиозного начала мира, той «мировой души», о которой говорит Нина Заречная в «Чайке» (кстати сказать, этот монолог М. П. Чеховым выписывается целиком). М. П. Чехов цитирует замечательные строки чеховского письма к Суворину о «спиритуалистах», которые «не нужны», ибо «когда вскрываешь труп, то даже у самого заядлого спиритуалиста необходимо явится вопрос: где тут душа? А если знаешь, как велико сходство между телесными и душевными болезнями, и когда знаешь, что те и другие болезни лечатся одними и теми же лекарствами, поневоле не захочешь отделять душу от тела. Спиритуалисты это не ученое, а почетное звание». Приводя эти слова, казалось бы достаточно убеждающие в материалистическом мирозерцании Чехова, Мих. П. Чехов все же стремится убедить нас в том, что его брат был отчасти «спиритуалистом», так

как он будто бы утверждал, что «законы появления первой жизни на земле были от человека скрыты и решать их можно было только гипотетически, а что не может быть доказано научно, то само по себе должно было уже составлять предмет веры». Таким образом доктор Чехов, человек совершенно определенного материалистического мирозерцания, писатель, твердо верующий в конечное торжество *научной истины*, засахаривается в образ идеалистически настроенного интеллигента!

Столь же неудачны попытки редактора-издателя Чеховской «Татьяны Репиной» вскрыть отношение Чехова к театру и актерам. Мих. П. Чехов, на основании нескольких цитат Чехова о театре, как «о дурной болезни», декларирует ненависть Чехова к театру вообще. Однако мы могли бы привести не менее 20 цитат совершенно противоположных, убеждающих нас как раз в том, что какой-то и очень существенной стороной своей творческой природы Чехов тяготел к театру. В сущности это отлично понимает и М. П. Чехов: ведь не вычеркнешь из писательской биографии Антона Павловича его драматургию. Но М. П. Чехов находит объяснение тому, что Чехов, не «любя театр», все же писал пьесы. Он на слово поверил Антону Павловичу, что «театр—спорт и больше ничего». А так как А. П. «вообще любил азарт» и даже проиграл однажды в Монте-Карло 900 франков, то он *из-за азарта* и стал писать для театра. И это курьезное объяснение дается с самым серьезным видом. Азарт Чехова в отношении театра доходил до того, что он не только писал пьесы, «но сам же их и ставил на сцене», — читаем мы у М. П. Чехова. Разумеется, это наивное объяснение принимать всерьез не следует. Совершенно неверно указание М. П. Чехова на то, что «Леший» был написан чуть ли не в два дня и по специальному заказу Соловцова. Биографу Чехова следовало бы знать, что «Леший» писался в продолжение *нескольких месяцев*, сначала в компании с А. С. Сувориным, а затем Чеховым самостоятельно. Возможно, что пьеса *переписывалась* «с быстротой молнии» — не спорим, но категорически утверждаем, что вынашивание сюжета «Лешего» было длительным,

на протяжении нескольких лет весьма занимавшим Чехова. Вообще, и комментаторская, и чисто редакторская работа М. П. Чехова выполнена совершенно дилетантски. М. П. Чехов из-за боязни, что второй экземпляр пьесы будет когда-нибудь найден и опубликован, спешит издать книжку со своими комментариями. Считая себя «близким к автору» и, «главное, близко знающим о происхождении этой пьесы», М. П. Чехов полагает, что только именно он и имеет, так сказать, моральное право на публикацию текста. Но дело в том, что ничего нового о *происхождении* этой пьесы М. П. Чехов не сообщает в своем предисловии. По письмам самого Чехова к Суворину и по целому ряду давно опубликованных материалов история происхождения пьесы была известна в подробностях. Новостью является лишь самый текст.

Юрий Соболев.